

Иван Меньшиков — человек и писатель

Меньшиковы, а среди них и писатель Иван Николаевич Меньшиков (1914—1943) — огромное пространство нравственности, наполняющееся чистыми духовными родниками, сверкающее все новыми и гранями любви к жизни, к Земле, к людям.

Имя Ивана Николаевича Меньшикова — нашего земляка, писателя, журналиста, возрождается вновь на Уральской земле, его Родине, к 100-летию юбилею со дня рождения. Чем ближе юбилей, тем потребность в осмыслении его творчества, его удивительной жизни становится безотлагательно необходимой. Жгучей. И не только потому, что комната-музей И. Меньшикова в Айлино Челябинской области располагает лишь одной книжкой писателя, а попытки достучаться до Москвы (о пополнении фонда музея) становятся мечтой, но и потому, что феномен Меньшиковых должен быть изучен, обобщен и распространен.

Вот такие казенные слова подобрались, к сожалению, к этим удивительным, необычным людям, продолжающим сеять доброту в нашем беспокойном мире.

Интеллигентность Меньшиковых проявляется, прежде всего, в отношениях с землей, с людьми, близкими и дальними. Мой дедушка, Михаил Иванович Меньшиков, бабушка, Екатерина Кузьминична Меньшикова, мама, Ольга Михайловна Меньшикова — Староверова, были наделены такими же уникальными качествами — быть терпеливыми. Они никогда не перекладывали свои заботы на окружающих, были прекрасными рассказчиками, повествователями жизни напевной, душевной, остроумной. Были родственники по крови и по духу с Иваном Меньшиковым писателем.

Константин Симонов вспоминал об Иване Николаевиче Меньшикове: «...В моей памяти стоит молодой невысокий, коренастый парень, веселый, упрямый, ищущий собственные дороги в жизни и литературе». Симонов особо отмечал, что Иван Меньшиков умел страстно работать, у него было подвижническое отношение к труду.

Иван Меньшиков — писатель сумел за свою короткую жизнь (1914—1943), сравнимую с жизнью М. Ю. Лермонтова (1814—1841), сделать неповторимое в истории литературы: он нашел живых героев, сделал их жизнь и подвиг ощутимой пульсацией времени и обнаружил в этом живом движении вечную целесообразность.

Подвиг жизни Ивана Меньшикова, к счастью, может быть показан документально. Вот они документы — свидетели его жизни:

...Копия автобиографии Ивана Меньшикова, написанной им 13 мая 1942 г. Очевидно, она была подготовлена вместе с документами, необходимыми для отправки его на фронт, в действующую армию: «Родился в 1914 г. в семье крестьянина. село Айлино Саткинского района Челябинской области. Окончив сельскую школу, а потом ШКМ, переехал к отцу, которого как изобретателя вызвал в Москву Совнарком РСФСР.

В 1930 г. я поступил в авиатехникум ЦАГИ, который не удалось закончить из-за тяжелого материального положения семьи.

Я поступил работать в газету Московской окружной железной дороги, работал в одной фабричной многотиражке в Москве.

В 1934 г. я уехал работать в Арктику (Ненецкий национальный округ Архангельской области) в качестве журналиста. Там, в ноябре, в сущности, и начал свою литературную деятельность (собирал песни, сказки, материалы, которые потом мною были использованы в пяти книгах, изданных и издающихся в Москве и Архангельске).

С 1936 г. живу в Москве, работаю в различных газетах и журнале “Колхозник”.

В 1938 г. после выхода двух моих книг перешел целиком на творческую работу. В 1941 г., с начала войны, работаю очеркистом “Комсомольской правды” и одновременно пишу рассказы».

...С первых дней Великой Отечественной войны Иван Меньшиков рвется на фронт. Но не сразу удалось ему добиться этого.

20 июля 1942 г. Меньшиков обращается с заявлением в Оборонную комиссию Союза советских писателей¹.

«ЗАЯВЛЕНИЕ»

Прошу Оборонную комиссию возбудить ходатайство перед Полигуправлением РККА о посылке меня на фронт, в Дейст-

вующую армию, так как год работы в «Комсомольской правде» дал мне возможность хорошо узнать только тыл, а для полноценной творческой работы мне требуется еще знание и фронта.

Вкратце сообщаю, что я делал до войны и за время ее.

Начиная с 1934 г. я написал пять книг повестей и рассказов об Арктике и ненецком народе: “Полуночное солнце”, “Человек не хочет умирать”, “Легенда о Таули из рода Пырерко”, “Друзья из далекого стойбища”, “Человек ищет счастья”. Все они, за исключением последней, издание которой задержалось издательством из-за войны, печатались в различных журналах и вышли отдельными изданиями.

За время войны, работая очеркистом в газете “Комсомольская правда”, я напечатал двадцать пять очерков о колхозной деревне во время войны, написал около двадцати рассказов, которые передавались по радио и печатались в центральных журналах. Эти рассказы выходят книгой “Сын Великого Новгорода” в издательстве “Молодая гвардия”.

И самая последняя моя работа — это трехактная пьеса о Герое Советского Союза Лизе Чайкиной, названная по имени героя. Пьеса уже принята к постановке Первым фронтовым комсомольским театром, и ее в скором времени увидит зритель. Помимо этого, пьеса должна издаваться “Молодой гвардией” большим тиражом для совхозно-колхозных театров и сельских драмкружков...

На фронте я могу выполнять любую работу, начиная от репортерской и кончая работой по написанию истории какой-либо части. Желательно на Северном фронте, более близком по духу моего творчества...

И. Меньшиков.»

...Последняя запись в дневнике писателя от 21 апреля 1943 г.: «...Сегодня-завтра уезжаю в немецкий тыл. Полностью обмундирован и вооружен. Будем выпускать в оккупированной немцами Белоруссии и на Украине “Комсомольскую правду”. 19 апреля был принят в кандидаты партии, и это как-то изменило во мне что-то. Точно прошло мое детство, юность и наступило мужество. Как много надо и можно сделать. Удивительно, что, уходя в неизвестность, я как-то ни мгновения не чувствую своей обреченности, страха за себя. А ведь возможно все...»

...Перед отправкой во вражеский тыл Иван Меньшиков зашел попрощаться к писателю Николаю Зотовичу Бирюкову, с которым его связывала большая творческая дружба.

Родные Бирюкова, которые живут в Ялте, так написали об этой встрече: «Последний раз он был 20 или 21 апреля 1943 г. Визит его был очень коротким. В сером плаще и таком же кепи, он постоял у кровати Николая Зотовича несколько минут, сесть отказался, очевидно, куда-то спешил. Его черные большие глаза были полны тревоги. Сообщил, что на днях летит в немецкий тыл к партизанам, а куда именно — об этом умолчал.

Через несколько дней в газетах — некролог. Не верилось, не хотелось верить — ведь только что, совсем недавно мы видели его живого, молодого, энергичного. Тогда ему было всего 29 лет...»

...Некролог «Памяти И. Меньшикова», напечатанный в журнале «Литература и искусство» от 25 мая 1943 г.: «На днях трагически погиб Иван Меньшиков. Мы знали этого молодого талантливого писателя по его книгам о людях Севера, о возрожденной революцией ненецком народе, по его ярким очеркам и рассказам о молодежи колхозной деревни, печатавшимся в “Комсомольской правде”, где он последние годы работал.

Иван Меньшиков горячо любил свою Родину, ее людей. Он много ездил по необъятным просторам Отчизны, умел видеть многообразие жизни. Его особенно влекла деревня, с которой он был кровно связан, которую близко знал и любил. Больше двух лет Иван Меньшиков провел в Арктике в Ненецком национальном округе, с увлечением работал в газете “Красный гундровик” и собирал материалы для своих будущих книг. Художественным итогом работы на Крайнем Севере явились книги Ивана Меньшикова “Друзья из далекого стойбища”, “Человек не хочет умирать”, “Человек ищет счастья” и другие.

В дни Великой Отечественной войны Меньшиков ярко и правдиво писал о жизни советского тыла. Его повести, рассказы и очерки приобрели заслуженную популярность у советской молодежи.

Совсем недавно Меньшиков был послан в один из партизанских отрядов в качестве корреспондента “Комсомольской правды”. Молодой писатель-патриот с радостью принял это почетное задание.

Тяжело осознавать, что смерть оборвала кипучую многообещающую жизнь нашего друга, воспитанника Ленинского комсомола, верного сына большевистской партии. Он по-прежнему на посту, как солдат. Он будет всегда жить в нашей памяти, оставаясь примером честного и мужественного служения Родине».

...Очень многие писатели прислали для музея свои воспоминания об Иване Меньшикове. Вот некоторые из них.

Константин Симонов: «Я знал Ваню Меньшикова больше десяти лет. Мы вместе начинали писать и вместе с первыми своими вещами приходили в литературную консультацию Гослитиздата и, помнится, печатались в одном и том же сборнике молодых «Смотр сил». Уже тогда, будучи совсем молодым парнем, Меньшиков выделялся своей серьезностью, хорошей привычкой много и тщательно думать над каждым произносимым словом, твердым жизненным правилом писать только о том, что он хорошо и глубоко знал.

Однажды он пришел ко мне и сказал, что ему непременно хочется писать об Арктике.

Ну что же, съезди в командировку. — сказал я ему. — Я, собственно, и пришел проститься.

— Очевидно, до осени? (Разговор был весной).

— Нет, улыбнулся он, — на два года.

— Уезжаешь на два года?

— Да, подписал договор. Буду там два года работать. Все же новое, тут тремя месяцами не отделаешься. Столько узнать нужно! Я боюсь, что и двух лет-то не хватит.

Слова у него никогда не расходились с делом, и через два дня он уехал.

Меньшиков поехал на Север не смотреть — он ехал жить и работать, принципиально считая, что людей по-настоящему можно узнать только тогда, когда работаешь с ними, а не тогда, когда смотришь на них. Результаты этой поездки известны. В пяти книгах, написанных Меньшиковым о Севере, есть ряд отличных рассказов, в которых чувствуется не только знание предмета, но и — что главное — большое, истинное понимание психологии людей, живущих в тяжелой обстановке Крайнего Севера

В моей памяти стоит молодой, невысокий, коренастый парень, веселый, упрямый, ищущий собственные дороги в жизни и литературе.

За свою короткую жизнь Иван Меньшиков выпустил несколько хороших книг, но его умение страстно работать, его настоящее подвижничество к труду писателя, наконец, вся его личность, характер, человеческие повадки говорили о том, что ему, несомненно, предстоит сделать еще очень много».

Поэт Георгий Суфтин впервые встретился с Иваном Меньшиковым, когда тот приехал в долгую командировку в Заполярье. В своих воспоминаниях он пишет: «В редакцию газеты “Нярьяна вындер” пришел застенчивый юноша и, слегка краснея, сказал: — Я буду у вас работать.

Мы, считавшие себя матерыми заполярными волками, потому что прожили в Нарьян-Маре уже не один год, снисходительно хихикнули. Неказистый вид юноши, почти мальчика, в мешковатом, не по росту, пиджаке и в сереньких хлопчатобумажных брюках, произвел на нашу закаленную полярными морозами братию далеко не лестное для него впечатление.

— Что же вы здесь будете делать?

— А все, что придется, — просто ответил юноша, улыбнувшись так хорошо и душевно, что наши тундровые сердца немного оттаяли...

...Так появился у нас новый сотрудник — Иван Меньшиков. Мы с ним подружились с первых же дней. Простота и непосредственность, любопытство к жизни, немножко наивная восторженность и, наконец, почти детская беспомощность в самых простых житейских делах — все было в нем так свежо и чисто, что невольно привлекало к себе...»².

«Раньше мне казалось, что творчество Ивана Николаевича Меньшикова, большею частью связанное с Крайним Севером, с жизнью малою по численности ненецкого народа, со временем останется в культурном фонде именно этого региона, — вспоминает известный московский литературовед и критик Александр Михайлов, живший в тридцатых годах в Нарьян-Маре. Теперь же, по прошествии нескольких десятилетий, очевидно, что про-

изведения этого талантливого и, к великому сожалению, так рано ушедшего из жизни писателя имеют куда более значительный идейно-художественный вес, что они являют собою заметные страницы в контексте всей советской литературы тридцатых годов и не утратили интереса по сей день...

Сейчас его произведения дороги нам тем, что они сохранили в себе атмосферу времени, тот дух высокой романтики, который вел молодых людей типа Тони Ковылевой, одной из героинь Меньшикова, и самого писателя на самые трудные участки социалистического строительства. Как живые, предстают перед нами персонажи его повестей и рассказов - ненцы, молодые и старые, повернувшиеся лицом к Советской власти и еще находящиеся в плену вековых привычек.

Я по опыту знаю, сколь трудно заставить ненца рассказать сказку на русском языке. Меньшиков за короткое время узнал множество ненецких сказок, легенд, преданий, они питали его творческую фантазию, их органическое использование сообщало рассказам и повестям Меньшикова неповторимый национальный колорит и вдохнуло в них поэзию белых ночей и северного сияния.

Если говорить о наиболее характерной черте писателя и человека Ивана Меньшикова, то ее можно выразить кратко: активное отношение к жизни. По складу своего характера он не был и не мог быть наблюдателем. Меньшиков не смог бы с таким проникновением, искренностью и знанием дела рассказать о ненцах, если бы сам не был участником описываемых событий.

В годы войны Иван Меньшиков работал в "Комсомольской правде". Помню, как маленькая, в скромном переплете книжечка "Смертная переправа" попала к нам на фронт в годы войны, кажется, в начале 1944 г. Тогда я ничего не знал о судьбе Ивана Меньшикова, и знакомая фамилия на обложке книги и, которой зачитывались в солдатской землянке, естественно, привлекла мое внимание. Мне, свидетелю первых успехов Ивана Меньшикова в литературе, нелегко было примириться со смертью писателя. Но в те годы мы привыкли к утратам, как бы горьки и тяжелы они ни были. И я с жадностью читал уже изрядно потрепанную книжечку, узнавая в ее авторе образ человека, хорошо известной о по его книгам, по личным встречам.

Я рад был этой книжечке как встрече с добрым старым другом, рад был тому, что и после своей смерти Меньшиков оставался на линии огня, поднимая боевой дух тех, кто продолжал трудную работу войны».

Виктор Тельцугов, работавший с Меньшиковым в редакции «Комсомольской правды»: «...Иван Меньшиков был высокоодаренным человеком, но он погиб слишком рано, поэтому его возможности раскрыты перед нами частично, и кто знает, сколько замечательных книг о нашем времени, о наших современниках унесла его смерть!..

Но и то, что осталось, те рассказы и повести, которые И. Меньшиков успел написать, — драгоценный вклад в нашу литературу. Все, что создал Иван Меньшиков, и сегодня, много лет спустя, читается как написанное в наши дни свидетелем и участником событий нынешних и недавно минувших дней. Почему так происходит? По единственной причине — Меньшиков был теснейшим образом связан с жизнью, в герои брал людей, которых знал доподлинно, а не по книгам других писателей и в людях этих находил черты, роднящие их с героями грядущих лет. Учительница и пионеры-ненцы, вырастившие картошку на Крайнем Севере за много лет до Великой Отечественной войны, — разве в них не узнаем мы учительницу и пионеров наших дней, всегда готовых на любой подвиг во имя Родины! Такие писатели, как Иван Меньшиков, — гордость нашей литературы. Слава им великая! Преклоняю голову перед его светлой памятью».

...А вот отрывок из воспоминаний писателя Юрия Нагибина: «Я принес Меньшикову на суд свои первые рассказы. Меньшиков, выпустивший уже две книги и подготовивший третью, был в моих глазах метром, и я испытывал перед ним трепетную робость, не уменьшавшуюся от того, что метр встретил меня на пороге избы в одних трусах, с удочками на плече. Усевшись на приступке, он буквально впился в рассказы. Меньшиков и вообще читал так, как иные едят: по-руженно, самозабвенно, двигая челюстями и надбровными дугами, он словно на зуб пробовал текст. В тот раз нища не пришлась ему по вкусу, и он, как говорится, не поцадил моей молодости. Это была еще одна прекрасная черта в нем — он никогда не лгал, не кривил душой в деле литературы, ни единого слова неправды не мог сказать

ни другу, ни недругу. Если он почему-либо не симпатизировал человеку, а человек написал хорошо, он первый говорил о его успехе, и даже лучшим друзьям не боялся он кидать в лицо самую горькую правду, коль они того заслуживали. И того же требовал в отношении себя. Плохая литература доставляла ему почти физическое страдание, и в ту первую встречу я только потому на него не обиделся, что почувствовал: ему так же больно, как мне. И мало кто умел так восхищаться каждым талантливым свежим словом, как Иван Меньшиков. Однажды он прибежал ко мне ночью, когда трамваи и автобусы давно уже спали в парках, чтобы поделиться радостью, доставленной ему только что прочитанной талантливой «Повестью о суровом друге» Леонида Жарикова...

Помню, в середине апреля 1940 г. я встретил Ивана Меньшикова на площади Свердлова. «Беги за билетами в «Стереokino», — сказал он, торопливо пожав мне руку. — Явтысый приехал».

Я был не меньше поражен этим известием, чем если бы услышал о приезде Тиля Уленшпигеля или Дон Кихота. При всей жизненности героев Меньшикова я все-таки не предполагал, что он выводит реальных людей, да еще под собственными именами, — в рассказах явственно ощущался тот художественный вымысел, без которого невозможна настоящая литература. Недаром же совокупность написанного писателем называется собранием сочинений. Позже, побывав на Севере, я понял, что Иван Меньшиков мог себе это позволить: он писал правду — не голую правду мелких фактов, а высшую поэтическую правду о своих друзьях из далекого стойбища. И ненцы, крайне чувствительные к правде и неправде печатного слова, сердцем понимали эту высшую правду рассказов Меньшикова. Ненцы всегда поют правду — о том, что видят, что есть на самом деле, и поют красиво, — рассказы Меньшикова они называют песнями. Они любили его при жизни, они сотворили о нем легенду после смерти...

...То немного, что писалось до Меньшикова о ненцах, было или малохудожественно, или непознавательно в грубой своей экзотичности. Меньшиков открыл миллионам читателей подлинную, чудесную, поэтическую душу ненецкого народа, едва ли не самого забитого и многострадального среди народов царской

России, с редкой выразительностью показал его борьбу за жизнь, счастье и будущее...»³.

...Сын первого наркома просвещения Анатолий Анатольевич Луначарский, позднее тоже погибший на фронте, в журнале «Молодая гвардия» опубликовал в 1941 г. статью «Большая тема» о творчестве Ивана Меньшикова: «Приглядитесь к этому автору: три книжки вышли уже из-под его пера. Чему же они посвящены, что читатель находит в любой из них? Подымаясь зачастую до высокой художественной силы, Иван Меньшиков рисует абсолютно доселе нам незнакомый мир обитателей Заполярья — ненцев-оленеводов. С каким восторгом воспекает он красоту тундры с ее ослепительными “фиолетовыми снегами”, “солнцем, розовым, как мясо семги”, с сопками, “похожими на выброшенных морем китов”, “зорями, алеющими, как глухарина бровь”, с “оранжевой луной” и “с синеватыми тенями, похожими на оленье рога”. Как часто мелькают в повествовании его никогда еще не слышанные нами слова “аргиш”, “тадибей”, “хабеня”, “тадебции”, “хад” и т. д. и т. д.! А с каким удовольствием живописует автор внешний вид, а также законченную внутренность кочевничьего жилища — чума, как он смакует ненецкую кулинарию. все эти “стружки семги, тающие, истекая жиром на медном блюде”, “толстые хвосты очищенной от чешуи пеляди”, “сярки” (чарки) разбавленного водой спирта или “сырой тепловатой оленье крови”, как тщательно выписываются им меховые одежды во всех их частях и разновидностях (сюма, малица, совик, тобоки из шкуры нерпы, пимы из шкурок, взятых с оленьих ног, паница и пр. и пр.). И обратите внимание: действующие лица у него ни за что не скажут “ладно”, “очень хорошо”, “здравствуйте”, а непременно — “та-рем”, “сац саво”, “ань-дорова-те”, да и сам автор явно предпочитает понятным определениям “холм”, “речка”, “стойбище” ненецкие их наименования “саундей”, “виска”, “парма”».

¹ См. Строка, оборванная пулей — М Моск рабочий, 1976

² Суфтин, Г Заполярные встречи / Г Суфтин — Архангельск Кн изд-во, 1961

³ Меньшиков, И Повести и рассказы / И Меньшиков, предисл Ю Нагибина М Гослитиздат 1958